

Антикоррупционный потенциал общества и реализация уголовно-правового запрета

С. М. Иншаков,¹ В. А. Казакова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²ВНИИ МВД России, Москва, Россия

¹insmi@yandex.ru

²vera1313@yandex.ru

Аннотация. В развитии от начала советского периода до наших дней анализируется соотношение трех элементов противодействия коррупции – антикоррупционного потенциала социума, уголовного законодательства и судебной практики. Делается вывод об угрозах отставания уголовно-правового запрета от социально-политических настроений общества.

Ключевые слова: антикоррупционный потенциал общества, преступления коррупционной направленности, взяточничество, санкция уголовного закона, наказание, судебная практика

Для цитирования: Иншаков С. М., Казакова В. А. Антикоррупционный потенциал общества и реализация уголовно-правового запрета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. Вып. 4 (853). С. 105–110.

Original article

The Anti-Corruption Potential of the Company and the Implementation of the Criminal Law Prohibition

Sergey M. Inshakov¹, Vera A. Kazakova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹insmi@yandex.ru

²vera1313@yandex.ru

Abstract. The correlation of three elements of countering corruption is analyzed – the anti-corruption potential of society, criminal legislation and judicial practice in the development of the early Soviet period to the present day. The conclusion is made about the threats of lagging behind the criminal law ban from the socio-political sentiments of society.

Keywords: anti-corruption potential of society, corruption-related crimes, bribery, sanction of the criminal law, punishment, judicial practice

For citation: Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. (2024). The anti-corruption potential of the company and the implementation of the criminal law prohibition. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 4(853), 105–110. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Антикоррупционный потенциал общества – это сила, скрытая в природе социума, которая может реализовываться в антикоррупционной практике. Антикоррупционная практика – феномен многогранный. Он включает в себя такие элементы, как социальные протесты, политика государства, ориентированная на искоренение коррупции, межгосударственные акции, в том числе создание международных организаций и принятие международных антикоррупционных конвенций. Одной из граней антикоррупционной практики является осуществление правосудия.

Связь антикоррупционного потенциала социума и судебной деятельности нелинейная. В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФЗ судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной власти¹.

Вынося судебное решение, суд руководствуется в первую очередь законом. Однако в большинстве случаев закон оставляет возможность реализации судебного усмотрения. Например, ч. 1 ст. 290 УК РФ предусматривает широкий спектр мер реагирования: штраф, исправительные работы, принудительные работы и лишение свободы. Кроме того, наказание может быть назначено условно. Несмотря на то что санкция предусматривает лишение свободы в диапазоне нескольких лет, суд при наличии исключительных обстоятельств на основе судебного усмотрения может применить наказание ниже низшего предела.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИУМА И ПРАВОСУДИЕ

Существует как минимум два канала воздействия антикоррупционного потенциала социума на правосудие.

1. Принятие соответствующих законов, предусматривающих уголовную ответственность за коррупционные деяния. По нашей гипотезе, чем выше антикоррупционный потенциал, тем строже наказание за коррупционные деяния.

2. Теми или иными способами уровень антикоррупционного потенциала социума влияет на общественное сознание, в том числе на правосознание судей, которое определяет характер судебного усмотрения. При низком уровне антикоррупционного потенциала получение взяток и злоупотребление служебным положением

становятся социальной нормой, и судьи, к сожалению, тоже подвержены воздействию этой социальной нормы. В мотивационной сфере судьи, берущего взятки за вынесение мягких приговоров, судебское усмотрение обретает уродливые коррупционные формы. Коррупционера начинают воспринимать как духовно близкое лицо. Отсюда и противозаконные оправдания, и необоснованно мягкие приговоры. Решение вопросов путем подкупа становится обыденным. Взяткодатель и взяткополучатель как две стороны в противоправной сделке не заинтересованы в ее обнаружении. И это только один из факторов, позволяющих утверждать, что такие деяния становятся высоко- и даже сверхлатентными [Иванов, Шегабудинов, 2017].

По мере роста антикоррупционного потенциала он реализуется в ужесточении карательной судебной практики по отношению к коррупционерам. Возрастает строгость наказания в санкциях статей уголовного кодекса, уменьшается диапазон судебного усмотрения. Повышается требовательность к нравственной чистоте судей, соответственно уменьшаются и масштабы судебного произвола. Судьи выносят более строгие приговоры, сводят к минимуму реализацию наказания условно.

Анализ динамики развития норм, содержащих уголовно-правовой запрет различных форм взяточничества как основы коррупционной преступности, позволяет проследить уголовную политику государства, в свою очередь, зависящую от уровня антикоррупционного потенциала общества.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Основой современного уголовно-правового противодействия взяточничеству явились два декрета РСФСР, подписанных В. И. Лениным 8 мая 1918 года и 16 августа 1921 года, по которым взяточничество наказывалось лишением свободы не менее чем на 5 лет, соединенным с принудительными работами и конфискацией имущества. К ответственности привлекались не только должностные лица, но и не обладающие этим статусом виновные соучастники и прикосновенные к преступлению лица (посредники, подстрекатели, пособники, укрыватели). Отсутствие верхнего предела в санкции предоставляло судьям весьма широкие полномочия.

Принятый вскоре после этого УК РСФСР 1922 года дифференцировал взяточничество, выделяя составы с отягчающими обстоятельствами, санкции которых содержали лишение свободы на срок не менее трех лет, а также высшую меру наказания (расстрел) с конфискацией имущества

¹URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/4aa549c1313d7821cc666a32cbb84c43e294199d/

[Армашова, 2019], которая просуществовала до 1927 года и была отменена в связи с празднованием 10-й годовщины Октябрьской революции.

П. 9 Постановления ЦИК СССР содержал формулировку: «Исключить из действующих уголовных кодексов союзных республик применение смертной казни, в качестве меры социальной защиты, по всем делам, кроме дел по преступлениям государственным, воинским и вооруженному разбою¹». В то же время уголовная политика непримиримости с коррупцией сохранилась, что видно из содержания п. 10 того же постановления: «Поручить Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР смягчить установленные судебными приговорами или в административном порядке меры социальной защиты в отношении всех осужденных, за исключением активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя, злостных растратчиков и взяточников»².

По своей сущности уголовно-правовые запреты, касающиеся взяточничества, схожи с ныне действующими. В них учитывалось вымогательство, особые полномочия взятополучателя, характер выполняемых за взятку действий, провокация взятки, оговаривались условия освобождения от ответственности.

По УК РСФСР 1960 года ответственность за взяточничество дифференцировалась в зависимости от характера деяния. При этом максимальная санкция предписывала 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества. По УК РСФСР предусматривалось деление преступлений на две категории – тяжкие и иные, взяточничество при отягчающих обстоятельствах относилось к тяжким.

Тем не менее в 1962 году был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», по которому оно было выделено из категории тяжких с повышенной санкцией, предусматривающей смертную казнь с конфискацией имущества³. Эта норма была отменена в 1991 году. За эти тридцать лет было казнено около 8 тыс. виновных в экономических преступлениях⁴ [Денисов, 2007].

¹Постановление ЦИК СССР от 15.10.1927 «Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам Союза ССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира» // СПС «КонсультантПлюс».

²Там же

³В действующем УК РФ использован аналогичный прием выделения (помимо ст. 15 УК РФ) преступлений с наивысшей категорией тяжести, к которым законодатель относит в основном преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и террористической направленности

⁴Денисов Е. Казнь через казну // Коммерсантъ Деньги. 12.02.2007. URL: <https://www.kommersant.ru/money>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

По сравнению с ранее действовавшим законодательством в настоящее время ответственность за взяточничество дифференцирована наиболее детально. Получение взятки (ст. 290 УК РФ) содержит шесть частей, а дача взятки (ст. 291 УК РФ) – пять частей с указанием на ее виды и размер, способы получения (в том числе с вымогательством), характеристику субъекта, связанную с должностным положением, законностью (незаконностью) действий (бездействия), обусловленных получением взятки, групповым характером совершения преступления. Также по нескольким составам отведено посредничеству во взяточничестве (ст. 2911 УК РФ) и мелкой взятке (ст. 2912 УК РФ).

Все санкции содержат в альтернативе с различными наказаниями лишение свободы (даже за мелкую взятку). Четыре состава принадлежат к категории небольшой тяжести, три – к средней тяжести, шесть считаются тяжкими и пять – особо тяжкими. Дача взятки без отягчающих обстоятельств предусматривает в качестве самого строгого наказания лишение свободы на срок до двух лет со штрафом в размере от пятикратной до десятикратной суммы взятки или без такового, а получение взятки без отягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки или без такового. Судя по этим санкциям, получение взятки более общественно опасно, чем дача взятки. Учитывая специальный субъект получения взятки – должностное лицо, это логично. Однако санкции за эти преступления с отягчающими обстоятельствами разнятся незначительно. Дача взятки и получение взятки в особо крупном размере содержат одинаковый диапазон самого строгого наказания (лишение свободы от восьми до пятнадцати лет) со штрафом в размере до семидесятикратной суммы взятки или без такового. Срок еще одного дополнительного наказания – лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за дачу взятки предусмотрен до десяти лет, а за получение – до пятнадцати. Чуть меньше за дачу взятки и самое мягкое наказание: штраф от 2 до 4 млн рублей, а за получение взятки – от 3 до 5 млн рублей.

Интересно, что возможности судейского усмотрения за взяточничество весьма широки – в качестве основного наказания во всех восемнадцати составах четырех статей в альтернативе с лишением свободы предусмотрен штраф, т. е. вполне

законным является назначение судом за любое преступление, связанное со взяточничеством, при наличииотягчающих обстоятельств самого мягкого наказания, предусмотренного в ст. 44 УК РФ – штрафа. Кроме того, ни один состав взяточничества не содержит запрета в соответствии со ст. 73 УК РФ назначить лишение свободы условно.

Действующее уголовное законодательство в качестве наиболее строгих наказаний предусматривает смертную казнь и пожизненное лишение свободы. Определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный суд РФ подтвердил неконституционность вынесения смертных приговоров, признанную ранее (см. Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П). Однако эта мера не исключена из УК РФ в качестве одного из наказаний. Дискуссии о возможности ее возобновления продолжаются. Коррупционные преступления в санкции таких наказаний не содержат.

Анализируя динамику уголовно-правового запрета, специалисты в основном приходят к выводу о постепенном смягчении наказания за взяточничество, даже несмотря на введение так называемого кратного штрафа, эффективность которого оценивается как низкая [Бурлаков, Пряхина, 2013; Буранов, 2012; Вейберт, 2007].

Как показывает анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, реальная наказуемость взяточничества не отличается жесткостью. По делам коррупционной направленности за 2023 год было осуждено 22 014 человек. По основной квалификации обвинения осуждено 10 721, из них к реальному лишению свободы – 16,1 %, условно к лишению свободы – 28,2 %, к штрафу в качестве основного вида наказания – 48,9 %, доля осужденных к иным видам наказания незначительна¹.

Дифференцированный анализ статистики назначения наказаний за взяточничество (основную группу коррупционных преступлений) показывает гораздо более значительную разницу в наказуемости получения и дачи взятки. Так, в 2023 году почти половина взятополучателей осуждены к реальному лишению свободы (49,3 %); 30,2 % – к лишению свободы условно; 20,8 % – к штрафу в качестве основного вида наказания. Из числа взятодателей, свыше трех четвертей дали взятку за заведомо незаконные действия; 51,9 % приговорены к штрафу; 12,7 % – к реальному лишению свободы; 35,4 % – к лишению свободы условно. За посредничество во взяточничестве примерно равная доля осужденных к реальному лишению свободы (26,5 %) и штрафу (28,6 %), но чаще всего суды выбирают условное осуждение к лишению свободы

(44,0%). Основным видом наказания за мелкую взятку – штраф (84,7%)².

Такое судебское усмотрение иллюстрирует гораздо более строгое отношение к наиболее опасным формам взяточничества – получению взятки. Берущий наказывается значительно строже дающего. Если ведущим мотивом взятополучателя является обогащение, то побуждение граждан к даче взятки зачастую связаны с невозможностью или сложностью решения жизненных проблем, излишним бюрократизмом, социальным неравенством, несправедливостью и прочими обстоятельствами, позволяющими сочувственно отнестись к нарушению закона и морально оправдывать такие действия.

Взятополучатели также нередко встроены в организованную коррупционную систему, когда они являются лишь одним из ее звеньев, а нежелание подчиняться ее правилам воспринимается как протест в коллективе, выдавливающий такого чиновника с его должности. Системное, скрытое вымогательство как правило хорошо законспирировано. Понимание этого и как следствие снисходительное отношение проявляется и со стороны правоохранительных органов и суда. Наказания ниже низшего предела назначаются чаще всего за преступления «белых воротничков». Они же наиболее часто наказываются условно. Когда речь идет об учете смягчающих обстоятельств преступления и личности виновного при назначении наказания, принимаются во внимание положительные характеристики, успешный социальный статус, участие в трудовой деятельности, наличие профессиональных наград, отсутствие нарушений общественного порядка, благополучное семейное положение, наличие детей, плохое состояние здоровья и др., присущее чиновникам – должностным лицам, чаще всего привлекаемым за коррупционные преступления. В литературе отмечается «более высокий, чем у «традиционных» преступников, интеллектуальный уровень преступника-коррупционера... Это обычно лица, придерживающиеся традиционных взглядов, установок и ценностей, чуждых «воровской романтике». Среди мотивов преобладает корысть, также может иметь место иная личная заинтересованность» [Голубых, 2022, с. 114].

Исходя из того, что одна из целей наказания – это предупреждение преступлений, в отношении коррупционеров ожидание рецидива минимально, потому что осуждение, как правило, ставит крест на карьере чиновника, что само по себе обеспечивает несовершение с его стороны повторного преступления. Нахождение вне системы коррупционного сословия исключает саму возможность злоупотребления должностными

¹Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

²Там же

полномочиями, превышения их, взяточничества, иных должностных и связанных с ними экономических преступлений.

Еще одна цель наказания – исправление осужденного признается эффективной, если с его стороны не последует рецидивного преступления. При этом не имеет значения, продиктовано оно нравственным перерождением или банальным отсутствием возможности проявления коррупции, что часто и происходит.

Лишь цель наказания, обозначенная в ст. 43 УК РФ как восстановление социальной справедливости, диктует серьезные меры воздействия, адекватные причиненному коррупционером вреда. Именно поэтому законодатель, руководствуясь принципом непримиримости к проявлениям коррупции, ужесточает наказание за нее.

Как показывает анализ, российский законодатель дифференцирует общественную опасность преступлений коррупционной направленности по всем категориям – от небольшой тяжести до особо тяжких. Все санкции преступлений, связанных со взяточничеством, альтернативны и предусматривают как самое мягкое наказание – штраф, так и лишение свободы. Более тридцати составов в УК РФ содержат самый строгий из действующих видов наказания – пожизненное лишение свободы. Ни один состав, относящийся ко взяточничеству, такого наказания не предусматривает, т. е. законодатель не относит такого рода деяния к обладающим наибольшей общественной опасностью.

Судебная практика демонстрирует большую вариативность в назначении наказания за эти преступления: взяточполучатели приговариваются почти в четыре раза чаще к реальному лишению свободы, чем взятодатели и почти в два с половиной раза реже, чем взятодатели – к штрафу в качестве основного вида наказания. Если рассматривать все преступления коррупционной

направленности, то лишь шестая часть осужденных приговаривается к реальному лишению свободы, чуть более четверти – условно к лишению свободы и почти половина – к штрафу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление уровня антикоррупционного потенциала социума с судебной практикой по уголовным делам о коррупционных преступлениях, а также с динамикой уголовно-правового регулирования данной сферы показывает, что уровень этого феномена, несомненно, растет. Но представляется, что темпы роста антикоррупционного потенциала социума выше, чем соответствующие ему темпы изменения уголовного права и судебной практики по уголовным делам данной категории. В определенной мере данное отставание можно считать социальной нормой. Однако если это отставание приобретает значительные параметры и затягивается по времени, то последствия могут быть крайне негативными. Именно на это обратил внимание Президента нашей страны модератор Петербургского международного экономического форума 2024 года С. Караганов: «Я помню 1916 год, когда мы побеждали, но народ устал. Поэтому нам всё-таки нужно будет в какой-то момент начинать торопиться»¹.

Таким образом, гармонию социальных настроений, политических установок государственного руководства, изменения законодательства и судебной практики можно рассматривать как весьма значимую предпосылку благоприятных социальных перспектив и поступательного развития общества. А вот диссонанс в этой сфере может привести к повторению драматичных уроков истории.

¹Стенограмма пленарного заседания Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 года – Президент России: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-plenarnogo-zasedaniya-peterburgskogo-mezhdunarodno-ekonomicheskogo-foruma-07-06-2024.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 111–120.
2. Армашова А. В. Декреты о борьбе со взяточничеством – первые декреты советской власти по уголовному праву (1917–1921 гг.) Вестник Национального института бизнеса. 2019. № 37. С. 7–10.
3. Бурлаков В. Н., Пряхина Н. И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85–95;
4. Буранов Г. К. Наказуемость получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 30–31.
5. Вейберт С. И. Проблемы оптимального построения санкций уголовно-правовых норм и практики назначения наказания за взяточничество // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2. С. 93–100.
6. Голубых Н. В. Современное состояние коррупционной преступности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 112–115.

REFERENCES

1. Ivanov, P. I., Shegabudinov, R. S. (2017). Economic and corruption crime and its latency as an object of criminological study, *Bulletin of Economic Security*, 3, 111–120. (In Russ.)
2. Armashova, A. V. (2019). Decrees on combating bribery – the first decrees of the Soviet government on criminal law (1917–1921). *Bulletin of the National Business Institute*, 37, 7–10. (In Russ.)
3. Burlakov, V. N., Pryakhina N. I. (2013). The effectiveness of punishment for bribery. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 1, 85–95. (In Russ.)
4. Buranov, G. K. (2012). Punishability of receiving and giving bribes, mediation in bribery. *Criminal law*, 2, 30–31. (In Russ.)
5. Weibert, S. I. (2007). Problems of optimal construction of sanctions of criminal law norms and practice of sentencing for bribery. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2, 93–100. (In Russ.)
6. Golubykh, N. V. (2022). The current state of corruption crime. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(34), 112–115. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иншаков Сергей Михайлович

доктор юридических наук, профессор
 профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности
 Института международного права и правосудия
 Московского государственного лингвистического университета

Казакова Вера Александровна

доктор юридических наук, профессор
 заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
 Института международного права и правосудия
 Московского государственного лингвистического университета
 главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inshakov Sergey Mikhailovich

Doctor of Law (Dr. habil.), Professor
 Professor of the Department of National Security and Law Enforcement
 Institute of International Law and Justice
 Moscow State Linguistic University

Kazakova Vera Alexandrovna

Doctor of Law (Dr. habil.), Professor
 Head of the Department of Criminal Law Disciplines
 at the Institute of International Law and Justice
 Moscow State Linguistic University
 Chief Researcher of the Department for the Study of problems of Operational and Investigative support for countering corruption-related Crimes of the Research Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Field of Economics of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию	08.10.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.10.2024	
принята к публикации	20.10.2024	